

◆
 АМУРСКИЕ
 ВОЛКИ
 ◆
 Коллективный
 роман

18+ !

Преступление / Наказание

Коллектив авторов

Амурские волки

«Азбука»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

Коллектив авторов

Амурские волки / Коллектив авторов — «Азбука»,
— (Преступление / Наказание)

ISBN 978-5-389-33254-6

«Амурские волки» – авантюрный «коллективный роман», основанный на подлинных событиях и отражающий суровую реальность русского фронта. Ограбления караванов с золотом Ниманских приисков, набеги хунхузов, русско-китайский вооруженный конфликт 1900 года, поджог парохода «МуравьевАмурский», громкие криминальные происшествия в Благовещенске – все это освещалось в периодической печати тех лет. Авторы «коллективного романа» не были беллетристами. Они были журналистами, криминальными репортерами, газетными поденщиками. Центральная роль и большая доля заслуги в появлении на свет «Амурских волков» принадлежит Александру Ивановичу Матюшенскому, человеку, чей писательский опыт формировался не только в редакциях газет и журналов, но и в драматических событиях, которыми была переполнена его жизнь. Противоречивая и, как говорят, довольно скандальная личность ведущего автора и организатора «коллективного романа» стала причиной тому, что главное его детище хотя и произвело фурор, выдержав несколько переизданий, затем на несправедливо долгое время было позабыто. В том, что Матюшенский прошел весьма извилистый жизненный путь, сомневаться не приходится, но отделить правду от легенд в его биографии сложнее, чем отличить реальную историю от вымысла в «Амурских волках». Неизменной остается историческая и художественная правда, которую он смог вложить в это незаурядное произведение.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1-44

ISBN 978-5-389-33254-6

© Коллектив авторов

© Азбука

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Амурские волки
Коллективный роман

© Оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

◆
АМУРСКИЕ
ВОЛКИ

◆
*Коллективный
роман*

Азбука
Санкт-Петербург

Часть первая

Глава 1 Контрабандисты

Была темная ночь. Свет ярких звезд едва-едва прокрадывался сквозь пучину черной мглы и тихо мерцал среди тишины и безмолвия. Широкий, быстробегущий Амур мрачною, холодною, живою дорогой пробирался среди своих оков-берегов и нежно нашептывал плеском шаловливой волны что-то близкое и милое осенней сумрачной ночи.

Порой едва заметно пробегал шалун – прохладный ветерок и ласково обнимал кудрявые березы и дубы, которые качались и шептали ему нежное ответное приветствие. Все же остальное молчало.

Спал крепким сном город, освещенный светом электрических фонарей, спала на противоположном правом берегу китайская деревня, спали вдали холмы, поля и леса.

Вдруг зашумела где-то в реке черная вода под ударами невидимых в темноте весел лодки. В это время на левом берегу Амура, значительно выше таможенной заставы, прозванной «рогаткой», появились две лошади, запряженные в телеги, и осторожно начали спускаться вниз к воде. На передней телеге сидел мальчик лет двенадцати-тринадцати, плотно закутанный в серую женскую шаль и старенькое пальто. На голове смешно топорщилась выцветшая рыжая шляпа. Мальчик испуганно озирался по сторонам. Его пугало все.

Черные поленицы дров, сложенные на берегу, казались ему огромными великанами, готовыми в одно мгновение проглотить и его лошадей, и телеги; фонарные столбы на далеком расстоянии смотрели на него злыми колдунами с одним глазом, готовыми превратить его в кучу песка или камней. Он сильно дрожал, но все-таки продолжал спускаться под берег.

Внизу он остановил лошадей и начал всматриваться во мглу, нависшую над рекой. Неожиданно из темноты со стороны Амура раздался отрывистый, короткий свист. Мальчик встрепенулся, вскочил на телеге на ноги и, приложив руку к губам, ответил на свист.

Плеск воды раздавался все сильнее и сильнее.

Казалось, что из глубины ночного мрака приближается какое-то фантастическое чудовище, жаждущее нарушить тишину беспокойным шумом и гулом.

Мальчик все еще не переставал дрожать и ежиться: он внимательно всматривался в пучину ночного мрака, но ничего не видел, хотя начинал верить, что приближается к нему родное и знакомое существо. Действительно, скоро из мглы на черной бурливой воде стали обрисовываться две серые фигуры, плывущие к берегу.

Мальчик, увидев их, обрадовался и, соскочив с телеги, подбежал к воде.

Через несколько минут бесформенные фигуры были около берега и превратились в две большие лодки, похожие по своему устройству на баркасы. Лодки были наполнены жестяными банками, в которых спиртоносы имеют обыкновение возить спирт. В обеих лодках на жестяных банках виднелось по три черных мужских силуэта. Одна из лодок быстро подплыла к пологому берегу и мгновенно остановилась.

Мальчик стремительно подскочил к ней.

– Ну что, – спросил его высокий мужчина, выйдя из лодки, – никого нет здесь из «собак»?

– Тише! – залепетал мальчик. – Там в дровах промелькнула какая-то тень и скрылась.

– Ага!.. Молчи... Эй, вы! – крикнул высокий своим товарищам, – сидите в лодке, я сейчас возвращусь. В случае какой неприятности отчаливай от берега и плыви вниз... Пойдем, малец! Покажи мне, где спряталась «собака».

Сказав это, он вынул из чехла револьвер и зашагал за маленькой фигуркой.

На берегу находилось несколько поленищ дров. К одной из этих поленищ подвел мальчик высокого мужчину и тихо прошептал:

– Здесь.

Тот поднял револьвер, направил его в чернеющий промежуток между поленищами дров и громко крикнул:

– Эй, «собака», вылазь, или пристрелю как гадину!

Но все молчало в ответ.

«Собака» не думала шевелиться и исполнять приказание. Высокий мужчина выстрелил в дрова. Гулко зазвучал выстрел по окрестности и замер где-то далеко-далеко.

– Пашка, а ты не наврал мне? – обратился после выстрела мужчина к мальчику.

– Ей-богу, Иван Семеныч, кто-то пробежал к дровам.

– А, ну черт с ним! Выйдет – все равно уьем. Пойдем.

Они молча отправились к лодке.

Вторая лодка с тремя гребцами уже нетерпеливо ждала ушедших.

– Ну что там? – спросили спиртоносы возвратившихся Ивана Семеныча и мальчика.

– Да ничего, мальчонка набрехал, – сердито ответил высокий мужчина.

– Ей-богу, не набрехал! – оправдывался Пашка.

– Не разговаривай. Некогда слушать, – прервал его Иван Семеныч. – Эй, вы, шпанка, живее стаскивать спирт. Время дорого, Матвеич, что сидишь, словно родильница! – крикнул он седому старику, неподвижно сидевшему в лодке и смотревшему в речную черную, живую воду.

– Давеча харбинки хлебнул много, ну и повесил нос, – насмешливо отвечал молодой парень с черными кудрявыми волосами и в шляпе, надетой набекрень.

– Ты, Мишка, – баба курносая, помалкивай! Знай про себя, – огрызнулся сердито дед Матвеич.

– Ладно, ладно! Будет вам, черти заполошные! – закричал вновь Иван Семеныч. – Живей за работу, время не терпит. Скорей таскать банки.

Голоса смолкли. Послышались осторожные шаги по гальке от лодки к телеге, временами постукивание жестяных банок, наполненных спиртом, и осторожный таинственный шепот.

Через некоторое время все банки были уложены на дне телеги, лодки привязаны около близко стоящих паромов; спиртоносы собрались в кружок.

– Теперь работа кончена. Мы трое останемся около телег. Ты, дед, останешься, я и Пашка. А вы отправляйтесь по берегу, – торопливо говорил Иван Семеныч.

– Конечно отправимся. Уговор такой был: до берега мы доставим спирт, а до дому – вы, – прервал Митька.

– Прощайте!.. – проговорили уходящие спиртоносы.

– Ну, трогай! – крикнул дед Матвеич и дернул лошадь возжою.

– Тише ты, черт старый! – обругался Иван. – Пашка, садись на телегу. Вот сюда, с краю.

Мальчик быстро забрался на телегу и лег на банки. Лошади мирно зашагали по пыльной дороге, ведущей на кручу.

Когда это шествие было на берегу и путники вздохнули облегченно, думая, что опасность миновала, из темноты ночи выскочил человек, стреляя в воздух и крича:

– Ни с места! Кто двинется, уью, как собаку!

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» – гремели револьверные выстрелы. Мгновенно ожил спящий берег. Все наполнилось шумом и гудением.

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» – гудела земля, гудели трепещущие деревья, гудели черные, плещущие о берег волны.

«Трах!.. Трах!.. Трах!..» – больно отдавалось в сердцах трех пойманных спиртоносов.

Неожиданно, как таинственные духи, появились четверо патрулей с ружьями в руках. Иван Семенович, видя, что все погибло, швырнул в сторону свой револьвер и сдался в руки врагов без сопротивления. Старик Матвеич виновато посмеивался, лепетал что-то непонятное и не думал сопротивляться. Мальчик сильно плакал и исполнял беспрекословно все, что ему приказывали. Всех пойманных посадили на переднюю телегу. Лошадей тронули, и они медленно потащили за собой телеги, нагруженные банками со спиртом.

Иван Семеныч долго сидел, склонив голову на грудь, и, кажется, что-то обдумывал. Его лоб украсился морщинами, а лицо выражало безграничное страдание.

Вдруг все черты его лица преобразились: в них сверкнула радость, как светлый луч по небосклону, закрытому грозными черными тучами, а глаза озарились светом надежды.

– Брат! – тихо проговорил он, обращаясь к солдату, идущему ближе к нему. – Хочешь заработать?

– Пошел!.. Не велено разговаривать!.. – строго отвечал солдат.

– Знаю, что не велено. А думаю, что деньги-то можете без позволения зарабатывать, – не отставал он.

– Можно-то можно. А все-таки молчать велено.

– Ну и молчи, черт с тобой. Только на одно ответь: хочешь ли заработать денег? Двадцать пять рублей на четверых дам, если отпустите меня.

– Никак нельзя!

– Чего нельзя? А ты поговори с товарищами: увидишь, можно. Где вам взять денег? А здесь сразу, не трудясь, получите по шесть с лишком рублей.

– Никак нельзя: таможенный увидит.

– Дурень ты! Таможенный впереди идет, лошадь под узду ведет. Боятся, чтобы мы не убежали. А нам где убежать?! Вот если вы поможете, то будет дело. Соглашайся, приятель. Ваше дело солдатское, где взять вам? С вас последнее сдерут... Так что ж отказываться. Иди поговори со своими товарищами.

– Ладно, поговорю. Ежели что хорошее, так мы освободим тебя. Только не отказывайся: двадцать пять рублей полностью гони. Слышишь?

– Слышу. Иди.

Солдат, посматривая в сторону таможенного, приблизился к товарищам и начал советовать с ними вполголоса. Прошли томительные пять минут для Ивана Семеныча. Наконец солдат вернулся.

– Ну что решили? – тихо спросил спиртонос.

– Согласны. Давай деньги и удирай. Только смотри не попадись таможенному.

Иван Семеныч вздрогнул от радости.

– Сейчас. Еще одно слово, – сказал он, доставая четвертную, – когда я отстану и заверну вон в тот переулок, тогда этот старик передаст вам эти деньги. Если же он не будет отдавать, бей тревогу. Но он так не поступит.

– Так! Так ты, значит, бежать собрался? – протянул Матвеич, все время смотревший в ночную даль.

– Как видишь, приятель, – отвечал Иван Семеныч и затем обратился к солдатам: – Ну а вы согласны на мое предложение?

– Согласны. Только не обманывай, а то все равно не убежишь, – сказал рыжий солдат.

– Не обману. Ваши деньги у старика. Ты смотри, старый хрыч, отдай им, а то они подымут такую кутерьму, что чертям душно станет. Теперь, друзья мои, до свиданья. Ах ты! Я и забыл. Когда вас будут допрашивать, молчать про всех. Помните уговор: кто попадется и выдаст товарищей, того нужно убить. Слышите?

– Слышим, слышим, черт пудластый! – отвечал сердито дед.

– Пашка, – нагнулся Иван к мальчику и тихо прошептал: – В таможене спросят, чьи лошади, – скажи, твоей матери. Спросят, кто послал, – скажи, что мать.

– Да маме будет худо! – запротестовал мальчик.

– Молчи. Если скажешь, что это были наши, и выдашь нас всех, то мы убьем тебя, и мать твою, и сестру твою.

– Ну будет тебе зубами лязгать, убирайся живее, – толкнул его рыжий солдат.

Иван Семеныч соскочил с телеги и тихими шагами начал отставать. Скоро он свернул в сторону и исчез в темноте.

– Пашка, пропала наша голова ни за грош ни за полушку, – сказал старик, смотря вслед ушедшему товарищу.

Мгновенье царил тишина. Слышно было, как стучали железные шины колес о камни и подковы конских ног. Патрули шли молча, временами оглядываясь и смотря вдаль...

Дед Матвейч, когда совершенно исчез друг-спиртонос, отдал четвертную солдатам. Затем достал из-за голенища острый маленький перочинный ножик и, раскрыв, начал вертеть в руках.

– Эх-хе-хе! – тяжело вздохнул он. – Будь по-моему. Не доставайся ни нашим ни вашим.

Быстрым незаметным движением руки, в которой сверкал ножик, он тихо надавливал на жестяные тонкие стенки банок и разрезал их. Банки тихо скрипели и стонали. Пахучая жидкость потекла из прорезанных банок. Сильно запахло спиртом. Солдаты с жадностью вдыхали любимый запах.

«Как хорошо пахнет! Вот нам стащить бы хоть одну баночку!» – вертелась у каждого мысль. А старик уже окончил свое дело и сидел неподвижно на телеге.

– Братцы! Пустите меня на ту телегу: здесь плохо спится, – проговорил он густым басом.

– Ишь, черт старый, хорошего сна захотел. Нельзя, не велено, – отозвался один солдат.

– Идолы этакие, я же не убегу. Ради Бога, пустите. Кости все разломило.

– Нельзя никак, никак нельзя! – слышался ответ.

– Что здесь за спор? – спросил подошедший таможенный, идущий все время впереди.

– Да вот, батюшка, – начал плаксивым голосом старик, – отлежал все свои кости. На той телеге удобнее лежать. Тамо и шуба моя. Так эти идолы не пускают.

– Патруль! Отведи его на ту телегу, – начальственно приказал таможенный, – да карауль хорошенько. Если побежит, стреляй в голову.

– Слушаюсь!.. – сказал солдат и отправился вслед за соскочившим с телеги стариком.

– А где же третий арестант? – испуганно спросил таможенный.

– На телеге лежит, – равнодушно отвечал один солдат.

– Да где же? Господи Иисусе! Он, наверное, слово нечистое знает. Все время караулили и вот поди же! – притворно говорил тот же патруль.

– С нами крестная сила! Все время за ним только и следили, а он все-таки исчез, – проговорил второй солдат.

– Да спасет нас Бог!.. Он, наверное, колдун. Я видел его в то время, когда вы подошли к телеге. А теперь его нет! – солгал третий.

– Негодяи! Этого не могли исполнить как следует. Бурхановская шпана! Бить надо вас, как собак. Один патруль, иди к старику, а двое – мальчишку караульте. Вы там, безмозглая саранча, смотрите за стариком. Выпустите – будет вам плохо.

Старик лежал на телеге и корчился в нечеловеческих движениях; перочинный ножик незаметно сверкал в его руке, вонзаясь то в одну, то в другую банку.

– Чего ты, собака, смирно не лежишь! – крикнул на него солдат.

– Живот болит, – хладнокровно отвечал Матвейч. – Все нутро готово вывернуться.

– Слава Богу! К утру, может быть, околеешь, – пожелал другой патруль.

– Ой-ой! – притворно начал стонать старик, вонзая острие ножа в банки со спиртом.

Вновь сочилась пахучая жидкость на пыльную дорогу, и в воздухе носился запах спирта.

Запели первые петухи, ночь стала еще безмолвнее и темнее. Улицы как будто бы были совершенно мертвыми: не показывалось ни одного живого существа, лишь порой завывали собаки, услышав скрип телег и стук лошадиных подков. Подъехали к дому таможенной заставы... Старик сел на телегу совершенно спокойный. Закрыв ножик и положив его за голенище, он, усмехнувшись, сказал сам себе:

– Сделал дело: ни вам ни нам.

Глава 2

Неожиданная встреча и разочарование

Телеги контрабандистов въехали во двор «конторы».

В воротах их встретил таможенный с заспанной физиономией:

– А! Добыча!.. Святая водица!..

Глаза его блеснули радостным огнем.

– А закуска есть?

– Хорошо и без закуски! – проворчал старик-контрабандист, спускаясь с телеги на землю.

– Ты у меня поговоришь! – крикнул таможенный и замахнулся на старика шашкой.

Старик отступил к столбу до фонаря и оказался в кругу освещенного пространства.

Таможенный взглянул на него, и рука у него опустилась.

– Лесной Дед! – невольно прошептали его губы.

Старик скорее угадал, чем услышал свое прозвище, под которым он был известен лет десять назад в Акатуйской каторжной тюрьме.

Волосы у него под шапкой зашевелились. Пред ним встала картина военного суда и... виселицы.

Он невольно двинулся к таможенному и, как бы споткнувшись, быстро вытащил из-за голенища нож.

Таможенный тоже встревоженно топтался на месте и, когда Лесной Дед подходил к нему, повернулся лицом к свету, падавшему от фонаря.

Лесной Дед взглянул ему в лицо и сразу же успокоился.

– Рваная Ноздря! – со злобным смешком проговорил он. – Чиновником заделался... Старых друзей саблей рубить хочешь.

Таможенный побелел, как бумага.

– Молчи, ради Бога! – проговорил он, близко придвигаясь к Лесному Деду. – Молчи! Услышат.

– А зачем мне молчать? – все с тем же смешком, но тихо проговорил тот.

– Молчи, ради Бога! Я тебе помогу...

– А, это другое дело. Если сможешь, то можно и помолчать. А иначе нет расчета беречь таможенную «собаку». Слово сказал, и... веревка готова.

– Молчи, молчи!.. – весь дрожал таможенный.

– Хорошо, помолчу. А только ты должен меня высвободить отсюда. Мне нет никакого расчета идти в тюрьму.

– Но как же я тебя высвобожу? Тут чиновник. От него зависит.

– А это уже дело твое. Мое дело – молчать про веревку, а твое дело – высвободить.

– Хорошо, хорошо! Пойдем сюда.

И он отвел старого приятеля подальше от патрульных солдат.

Тут они сели на разбитый ящик.

– Это твоя, что ли, контрабанда? – спросил таможенный.

– Какая моя? Тут одного...

– А где же он?

– Он удрал. Про него надо молчать.

– А на кого же контрабанду запишут?

– А вот надо бы на этого мальчонку, что на возу сидит. У него мать домишко имеет. Так вот на нее и нужно свалить все.

– А мальчишка как, согласен?

– Его припугнули. Однако надо бы и еще пугнуть.

– А это я сейчас.

И Рваная Ноздря пошел к телеге.

Мальчик расширенными зрачками смотрел на его приближающуюся фигуру.

– Твоя контрабанда? – сурово спросил его Рваная Ноздря.

– Н-нет, – со слезами в голосе протянул мальчик.

– Что?! Ты – отказываться! Обманывать начальство! Тебя мать послала, и лошади материны.

И таможенный ударил мальчика кулаком по голове.

– Говори, чьи лошади?

Мальчик съехался в комочек и весь дрожал.

– Говори – чьи лошади?! Чей спирт?! Материн?!

– Д-да... – едва слышно прошептал мальчик.

– Ну так помни же – ты теперь сознался. И если будешь запираяться при чиновнике, то и тебе, и матери хуже будет.

А Лесной Дед в это время сидел, склонившись, и думал...

Перед ним, как живая, встала Акатуйская каторга. И вот этот самый рецидивист, страшный злодей, Рваная Ноздря, осужденный еще в России на вечную каторгу, льстивый, пронырливый, хитрый, он временами приходил в безотчетное бешенство и бросался на первого встречного.

Это с ним и случилось лет двенадцать назад.

Он бросился на надзирателя и камнем раздробил ему голову.

Его судили и присудили к повешению.

Но накануне казни Рваная Ноздря как-то таинственно исчез из тюрьмы и, что называется, как в воду канул.

А через год после этого и сам Лесной Дед, всего за год до окончания срока, стосковался по воле и на работах убил задремавшего от скуки конвойного и бежал в Китай.

И вот теперь они встретились.

Один, уже осужденный на смерть, а другому тоже грозит или веревка, или вечная каторга.

Но Рваная Ноздря не знал ничего о побеге Лесного Деда, так как это случилось уже после него, и он думал, что Лесной Дед окончил свой срок и проживает по законному паспорту.

– Готово! – подошел к нему Рваная Ноздря. – Мальчишка «сознался», что и лошади, и спирт принадлежат его матери. А в случае если опять станет отпираться, я могу быть свидетелем, уличу его...

– А я как? – спросил Лесной Дед.

– А ты скажешь, что нанялся только лошадей покараулить.

В это время из дверей «конторы» вышел писец с заспанной похмельной физиономией.

Вся его фигура говорила, что накануне он сильно хватил и теперь, почуяв запах спирта, весь ослабил и начал потирать руки:

– Ага! Вот это кстати!

И он двинулся к переднему возу с банками.

Колеблющимися шагами он подошел вплотную и потянулся обеими руками к банкам.

– Вот и похмелимся, – ворчал он себе под нос.

И он поднял банку в уровень с головой.

Но физиономия его изобразила крайнее изумление: банка оказалась пустой, легкой как перышко.

Он бросил ее на землю и схватил другую.

Но и эта так же легка, как первая. Он хватает третью, четвертую, десятую и с отвращением бросает их на землю.

Через две минуты на возу не осталось ни одной банки.

– Что же это? Насмешка! – накинулся он на патрульных солдат. – Зачем вы привезли сюда пустые банки?

– Не можем знать! – ответил один из караульных. – Нам приказал таможенный.

– Кто? Какой таможенный?

– В контору ушел.

Похмельная физиономия двинулась ко второму возу. Но и там та же история: банки были пусты.

Лесной Дед сидел на ящиках и беззвучно смеялся себе в кулак.

– Прорезал, что ли? – спросил его Рваная Ноздря.

– Да.

– Все?

– Все.

– Низко резал?

– Дно.

– Тогда, может быть, еще можно выправиться: сказать, что пустые банки везли... Пойду посмотрю... Если весь спирт вытек?..

В это время писец радостно вскрикнул:

– Ага! Есть!

В поднятой им банке плескалось немного спирту. Он тотчас нашел отверстие, откуда вытекал спирт, и жадно припал губами.

Рваная Ноздря подошел к возу и начал опытной рукой пробовать оставшиеся банки.

В некоторых еще оставалось немного спирта. Он поворачивал их отверстием вниз. Остатки спирта вытекали.

Работа была быстро покончена. И Рваная Ноздря отошел от воза к Лесному Деду.

– Готово! Все пустые. Так и показывай чиновнику: пустые, мол, банки перевозили, хотели посмеяться над таможенными.

В этот момент из конторы вышел чиновник того таможенного, который задержал контрабандистов.

– Это? – указал он на телеги.

– Так точно, – вытянулся таможенный. – Ведер тридцать с лишним будет.

– Сосчитать!

Таможенник подошел к брошенным на землю банкам и начал считать:

– Раз, два, три, четыре... пятнадцать... двадцать... двадцать шесть.

– Да еще в телеге есть.

И он поднял полуведерную банку, намереваясь переложить ее из телеги в общую кучу.

Физиономия его выразила горестное изумление:

– Пустая!

– Что пустая? – сердито спросил чиновник.

– Банка пустая.

– А эти? – Чиновник ткнул одну из лежащих на земле банок.

Пустая банка со звоном покатила по земле.

– А эти? Эти?

И чиновник с таможенником начали бросать пустые банки.

Из-за горизонта брызнул луч солнца и осветил сердитые, растерянные физиономии.

Глава 3

Ранний гость

Иван Макарыч Арносос проснулся, потянулся и взглянул на часы. Была половина восьмого.

Он осторожно поднялся и начал одеваться, оглядываясь время от времени на жену.

Софья Марковна спала как убитая.

И не диво: они только в пять часов вернулись с маскарада.

В голове у Ивана Макарыча еще шумело, но давнишняя привычка взяла свое.

С тех пор как он решил сделаться богатым, он всегда вставал рано утром...

Одевшись, умывшись, он вышел в столовую.

Фекла подала самовар.

Иван Макарыч взял из-под подушки жены ключи, отпер буфет, достал чай, сахар, стакан и медленно приступил к завариванию чая.

Поставив чайник на самовар, он подошел к окну, разрисованному морозом узорами.

На улице было пусто.

На углу стоял извозчик.

Спал извозчик, спала лошадь...

«Тоже деньгу зарабатывать выехал, – думал Иван Макарыч. – И правильно... Всякий должен работать по-своему... Кому что!.. Одному талант, другому два. В землю зарывать не годится... А удачный вчера был маскарад... С помощником директора банка ужинал. Влетело, да это что! Пустяки... Главное, понравилось ему. И жена молодчина. Так глазами и стреляла, что тот совсем растаял. Уж если придется векселей учесть, так, наверное, не откажет. А деньги скоро будут нужны: все в обороте. Скоро-то не вернешь!.. А было время, что ни гроша не было. Неделями голодал».

И перед Иваном Макарычем стали проноситься картины далекого прошлого.

Казенный дом... Большой. Огромный... Маленькая комната... Кровать, стул, стол, комодик и два горшка с геранью на подоконнике.

И служба... Тяжелая, скверная служба, поганая служба, а выгодная.

Человек с мозгами всегда урвать малость может.

И сегодня, и завтра, и послезавтра, и каждый день, пока люди в этом доме жить будут.

– Бог видит, да не скоро скажет, а начальство...

Начальство тоже деньгу любило. Опять же все на законном основании. И преступников надо карать. Великая штука не доест, не допить: на то и преступник...

Долго там прослужил Иван Макарыч и до сих пор служил бы, может быть, если бы не ревизия. Впрочем, все к лучшему. Как ушел со службы да пустил денежки в оборот, так еще лучше стало. Ни забот тебе, ни хлопот. И сам себе господин. Женился, да на умной женщине. Вот говорят, что судьба не всем всех оделяет. Пустое... брешут люди. Взять хоть Софью Марковну! И красива, и умна. На рояле вальс и жалостный романс играть умеет. И не транжирка... Упаси господи! Еще невестой была, так ему разнос за букет сделала!

– Иван Макарыч! – сказала, – ведь я за вас не как дура замуж выхожу. В разные любви я не верю. Мне важно, чтобы я с достатком жила и за деньгами к чужим не бегала. Букет-то ведь денег стоит, а цветы через два дня завянут. Лучше бы мне деньгами подарок сделали.

И так эта фраза понравилась Ивану Макарычу, что он невесту свою еще больше полюбил. Мозговитая баба. С ней не пропадешь... Настоящая помощница будет.

Извозчик вдруг проснулся, стегнул коня и скрылся за углом.

«Вишь, дурак нашелся. Пешком лень идти», – подумал Иван Макарыч и вернулся к столу.

Налил стакан, положил сахар, отрезал ломоть хлеба и принялся за чаепитие. Пил он чай не торопясь.

– Куда спешить?.. Поспешишь – людей насмешишь...

Он допивал второй стакан, когда вошла Фекла.

– Там на кухне вас мужик спрашивает...

– Какой мужик?

– А тот самый, что наемдни до вас приходил. Молодой такой. Еще в комнату вы его звали и долго говорили...

– Четвертого дня?

– Во-во!.. Он самый! Еще водку ему подавали...

– Ну... Ну! Зови его скорей в кабинет!

Фекла вышла из кабинета. Арносов остановился посреди комнаты, нервно пощипывая свои усы.

Незаметно отворилась дверь, и на пороге появился высокий, широкоплечий молодой мужчина с загорелым, живым лицом, черными блестящими глазами и с длинным вьющимся чубом. Он как-то медленно и тихо вошел в комнату и притворил за собой дверь.

Увидев его, Иван Макарыч подскочил к нему как стрела и, впившись в его лицо своими злыми бесцветными глазами, сдавленным голосом прошипел:

– Все благополучно?.. Выгорело?..

– Нет! – угрюмо отвечал парень, отступая к дверям.

– Нет?! Что?.. А?.. Почему?.. Почему? – побледнев, заволновался Арносов.

– Нас поймали.

– Что-о-о? – отчаянным голосом закричал Иван Макарыч. – Да как же это так? Не может быть!.. Это обман! Ты говорил, что у вас таможенные подкуплены. Как же все это вышло? Ничего не понимаю.

– Я сам не знаю, как вышла эта беда... Матвейча и мальчика забрали, а остальные все убежали, – отвечал пришедший.

– Что, их забрали?! Фу, черт знает что такое! С дураками связался и сам дураком стал. Теперь снова полетят на меня комья грязи и сплетен. Этого еще мало! Благодаря вам я потерял лошадей и те деньги, которые отдал вам.

– Иван Макарыч! Вы не горячитесь. Я все устроил хорошо. Вы останетесь в стороне, совершенно невинным, только лошади да деньги действительно утеряны.

– Что устроил? Как? Мальчишка, а тот надменный старик, которых арестовали?.. Они зарежут меня без ножа.

– Не бойтесь, не бойтесь! Мальчишке я пригрозил и велел всем говорить, что его послала мать за спиртом, что лошади принадлежат его матери.

– Да кто ему поверит, что он один ездил за контрабандой. Эка чепуха!..

– Какая там чепуха!.. Он ничего больше не скажет. Придерутся к его матери, а я застрашаю и ее; в крайнем случае ради своего собственного спасения мы дадим ей денег.

– Ну а тот, старик?

– На старика надейся: тот или убежит, или ни слова никому не скажет.

– Так-так! – более спокойным голосом проговорил Арносов. – А ты все-таки расскажи мне все, что у вас там вышло. Присядь сюда.

Молодой человек, в котором читатели узнали Ивана Семеновича, прошел к стулу и начал рассказывать.

Глава 4

Семья мальчика

На окраине города стоял маленький домик, выкрашенный в зеленый цвет, который от времени превратился в жалкий серый. Домик этот принадлежал Елене Алексеевне Рыбкиной и достался ей в наследство от давно умерших родителей. Рыбкина была вдова. Ее муж, служивший офицером в Н. В. С. полку, был убит в Русско-китайскую войну. От мужа у нее остались двое детей: Наташа, красивая восьмилетняя девочка, и Павлуша, впечатлительный пятилетний мальчик. После смерти мужа Елена Алексеевна, убитая горем, долго жила одна, никого не посещая, ни с кем не заводя дружбы, отдавая все свои молодые силы на воспитание детей.

Года безостановочно спешили вперед, в вечность, оставляя после себя едва заметный след воспоминания, – без впечатлений, без ярких красок прошлой жизни. Благодаря вечно меняющемуся времени, новым впечатлениям и жизни в сердце Рыбкиной стали заживать раны, нанесенные смертью любимого мужа. Ее повлекло что-то новое, необъяснимое, таинственное, снова потянуло к людям, ей хотелось слиться в одно общее существо с шумящей где-то в стороне людской жизнью, закружиться в веселой пляске и в восторженном гимне весны и радости. Она вся преобразилась. Что-то покоряющее, светлое озарило ее красивое молодое лицо и томящуюся душу.

Елена Алексеевна как будто вся переродилась, начала заводить новые знакомства и носиться бабочкой по вечерам и театрам.

Однажды на одном званом обеде у своих близких знакомых Рыбкина увидела молодого человека, который ей очень понравился. Этот молодой человек был известный нам Иван Семеныч по фамилии Лебедев. При первом взгляде на него что-то хорошее зашевелилось у нее в сердце.

– Какой красивый, какой красивый!.. – повторяла тихо она, сидя близ него и всматриваясь в его правильные черты лица.

– Он полюбил тебя!.. – Что-то шептало ей из глубины души.

После обеда она попросила Лебедева проводить ее до дому. Он согласился.

Они пошли. Дорога до ее дома была длинная, и они успели познакомиться основательно. Елена Алексеевна узнала, что он летом служит на одном частном пароходе помощником машиниста, а зимой Бог знает чем промышляет и не имеет ни рода ни племени.

При прощании они дружелюбно пожали друг другу руки. Рыбкина просила навещать ее, жалуясь на свою одинокую, темную жизнь. Скоро между ними завязались интимные отношения, она поняла, что любит его всей душой, а он знал, что на всем земном шаре у него нет человека более близкого, чем Еленушка.

Спустя два месяца со дня их встречи он переселился к ней, сперва в роли квартиранта, а потом супруга, несмотря на то что она была старше его на несколько лет. Так они прожили три года. На четвертый у них вышла крупная ссора. Лебедев приревновал Еленушку к одному из товарищей, устроил скандал, после которого собрал свои вещи и переехал на другую квартиру.

Рыбкина опять осталась одна, горько оплакивая свою несчастную судьбу.

Прошло несколько времени со дня разлуки. Иван Семеныч стосковался по Елене Алексеевне и пришел к ней мириться. Хотя примирение свершилось, но он все-таки остался жить на отдельной квартире.

Один раз он пришел к ней ночью. На улице стояла осенняя пора и завывал ветер; мелкий дождь тихо моросил на пыльный город. Иван Семеныч был особенно ласков с Еленушкой; он целовал, обнимал ее, называя нежными словами. Когда Лебедев собрался уходить от нее, то как-то нежно обнял ее и, глядя ей в глаза, сказал:

– Дорогая, хочешь заработать денег?

Она удивленно посмотрела на него, ничего не отвечая.

– Что ж молчишь? Хочешь заработать? – проговорил он сердитым голосом.

– Ну хочу, – нерешительно, тихо ответила она, предчувствуя что-то нехорошее.

– Отлично. Теперь слушай. Видишь ли, мы, то есть мои товарищи и я, хотим ехать за спиртом на ту сторону. Мы отправимся туда на лодке. Купим там спирт и перевезем на наш берег, где нас будет дожидаться человек с телегами. Понимаешь?.. – неумело и тихо рассказывал он.

– Ничего не понимаю. За спиртом, что ли, хочешь меня послать, – прошептала сердито Елена.

– Ах ты, дурная! Сразу в другую сторону свернула. Ну да ладно. Я начну говорить яснее, по-русски. Нам нужен твой сынишка.

– Что-о?! Зачем?! – крикнула она, отступая от своего сожителя.

– Ты не раскрывай так широко своих глаз, не удивляйся, – начал он снова дрожащим от внутреннего волнения голосом, – да, нам нужен твой сын. Он должен подать нам к берегу лошадей. Понимаешь?

– Ничего не понимаю! Зачем обязательно он?

– Так нужно. Большой здесь не годится, – отвернувшись от Рыбкиной, лгал Иван Семеныч.

– Да для чего нужно-то? Он маленький, ничего не знает, ничего не видел. Придется ехать ночью, он может испугаться. Нет, я не отпущу его.

– Какой же он маленький: тринадцать лет. Пугаться там нечего. Да и мы будем здесь же, на берегу.

– Нет-нет, я не отпущу его!

– Вот дура! Ты пойми, мы заплатим ему за это. Товарищи обещали дать сорок копеек с банки да еще подарок купить тебе. Неужели ты откажешься? Ведь твое дело вдове, где же взять?! – притворным голосом нашептывал Лебедев.

– Это, известно, так. Только что вы взрослого человека не возьмете для этого дела?

– Нам этот удобнее. Да и лишнего человека у нас нет. Отпусти, дорогая.

Он обнял и начал целовать ее, видя, что в ней происходит борьба и победа клонится на его сторону.

– Ну что ж молчишь? Отпустишь или нет?

– Да, я отпущу! – вся млея от поцелуев, отвечала Елена Алексеевна. – Только, ради Бога, смотри, чтобы с ним не случилось чего...

– Ничего не случится.

– А таможенные не поймают вас?

– Таможенные? Да они все подкуплены нами! – почему-то солгал Лебедев, хотя он не говорил ни с одним таможенным.

– Хорошо, я надеюсь, что сын мой не погибнет.

– Конечно нет, – отвечал сожитель, – завтра на ночь мы едем. Ты приготовь своего сына.

– Хорошо. Смотри не отними у меня единственного сына. Следи за ним, охраняй его!

Посидев еще несколько времени, Иван Семеныч, приласкав Еленушку, ушел домой.

На следующий день вечером Павлуша был отправлен в квартиру Арносова, где должен был взять лошадей и телеги и к первому часу ночи быть на берегу в указанном месте.

Наступила темная ночь. Елена Алексеевна со своею красивою, теперь уже шестнадцатилетней дочкой Наташей решили не спать эту, может быть, самую тяжелую для них ночь. Когда наступил полночный час и весь человеческий мир уснул под кровом тишины, мать и дочь почувствовали душевное смятение и страх. Им казалось, что в тихой осенней ночи кто-то стонет и зовет на помощь. Слышался какой-то таинственный шорох и треск, которые нарушали спокойствие ночи.

– Господи! – шептала побледневшая мать, – спаси Павлушу.

– Мама, зачем ты польстилась на эти деньги? Жили мы без них тихо и безмятежно много лет и в будущем бы прожили так же, – упрекала Наташа мать.

– Ах, не польстилась я, а...

Она ничего больше не сказала, хотя ей хотелось открыть всю душу своей дочери: рассказать, как она любит Ивана Семеныча и что только ради этой любви пустила Павлушу на такое дело.

– Я боюсь за брата, я не могу спать, – грустно проговорила девушка.

– Не бойся. Может быть, скоро приедут. Ведь обещали приехать в два часа, если все будет благополучно.

– А сейчас четыре. Господи, что случилось с ними?

Время медленно бежало вперед. Каждая минута для матери и дочери казалась вечностью. В седьмом часу Наташа забылась тихим сном, а мать все еще продолжала ходить по комнате, шепча какие-то беззвучные слова.

На каланче пробило девять.

Вдруг раздался осторожный стук в дверь. Елена Алексеевна вздрогнула. Лицо ее побледнело, а глаза заблестели как-то странно и ярко.

– Это они, они! – прошептала она и, подскочив к двери, сбросила крюк.

В комнату вошел бледный Лебедев, но что-то нахальное, самодовольное кривило его лицо улыбкой.

– Здравствуй, Леночка! – проговорил он игривым голосом, в котором слышалась дрожь.

– Ты один?! Что случилось? – замирающим голосом крикнула женщина.

– Особенного ничего.

– Да скажи ты мне, – подскочила она к нему с горящими глазами, – где мой сын?

– Пойман таможенными и арестован.

– Что?.. А-а-а!.. – закричала она, схватившись руками за грудь, и упала без чувств.

Глава 5

На различных ступенях

Момент, когда таможенные убедились, что банки пусты, вызвал суматоху. Этим воспользовался Рваная Ноздря и шепнул Лесному Деду:

– Уходи.

Лесной Дед с видом скучающего фланера пошел от возов прочь. На него никто не обратил внимания, и он благополучно вышел на набережную. Тут он вздохнул свободно, но сейчас же решил в уме:

«Нет, эти дела не по мне! Стар я уже для таких передряг. Надо поискать что-нибудь более спокойное».

Ему пришло в голову: «Не устроиться ли так, как устроился Рваная Ноздря?»

Но он сейчас же откинул эту мысль. Во-первых, ему претила мысль о должности, связанной с необходимостью тащить людей в участок. Во-вторых, в таможене человек постоянно на людях.

«Неравно, натолкнешься на какого-нибудь старого знакомого. Вроде как вот сегодня натолкнулся на меня Рваная Ноздря... Нет, это не подходит... В сторожа вот куда-нибудь, это бы так! Только куда, к кому?»

Погруженный в свои думы, он шел по набережной, опустив голову.

– Что прешь на людей? – услышал он окрик над собой и почувствовал толчок в плечо.

– А ты что!.. – начал было Лесной Дед. Но, взглянув в лицо своего противника, тотчас радостно улыбнулся. – А! Алеха!

– Какой я тебе Алеха! – со злобой проговорил тот и пошел дальше.

Но Лесной Дед повернулся и пошел за ним.

– Что? Или не узнал старого друга? Или забыл, как в тайге бедовал вместе?

– Пошел прочь! Что вяжешься? – буркнул тот и ускорил шаги.

– Не гони! Нехорошо старых друзей забывать. Или не помнишь Горячую Падь? Забыл?

Незнакомец вздрогнул:

– Ну забыл! А зачем ее помнить?

– А затем, чтобы не отгаликивать старых друзей, как голодную собаку... пинком. Богат стал, зажилел...

– А тебе кто мешает быть богатым? Наживи и ты!..

– Наживи! Кому это ты говоришь? – спокойно перебил его Лесной Дед. – Я-то ведь знаю, как ты «нажил».

– А тебе кто мешал так же нажить?

– Кто? Судьба помешала...

– Судьба? – усмехнулся его невольный собеседник.

– Да, судьба! – твердо отчеканил Лесной Дед. – Вот в Горячей Пади мы с тобой души-то загубили, а добычи-то нам судьба послала всего-то фунтов десять сухарей. Правда, эти сухари спасли нас от голодной смерти... Ну а богат с этого все же не будешь... А ты вот товарищей своих прикончил и стал богат. И выходит, что тебе судьба пофартила, а мне нет. Только всего и разницы между нами. А пинаешь меня ногой, как собаку: уходи, мол, прочь... А ежели я пойду да крикну: «Люди добрые, а знаете ли вы, как мы с почтеннейшим Василием Александровичем Алехиным двадцать лет назад в Горячей Пади...»

– Что орешь-то! – остановил его Алехин и опасно оглянулся по сторонам.

В это время на набережной стали появляться редкие пока прохожие. Алехин остановился и злыми глазами в упор смотрел на Лесного Деда. Это был высокий мужчина, упитанный, как может быть упитанным только простолюдин, попавший на вольные корма. На нем был

летний костюм, сшитый у лучшего портного. Но в этом модном костюме он все же выглядел неуклюжим медведем, несуразным, коренастым, с тупым лоснящимся лицом.

Лесного Деда не смутил его окрик и суровый взгляд. Он чувствовал за собой твердую позицию и был спокоен.

– А что мне не орать, – все же понижая голос, спокойно заявил он. – Меня если и возьмут, так я не много потеряю. У меня нет пароходов, я не живу в хоробах. Мне все равно – что здесь, что в тюрьме! А вот у кого пароходы да жизнь привольная – тому правда тюрьма да каторга вещь неподходящая.

– Ну и тебе она не мила, каторга-то, – как-то криво усмехнулся Алехин.

– Что говорить, кому она мила! – согласился Лесной Дед. – Ну а все же разница: попасть в каторгу с холоду да с голоду или с такого приволья, как у тебя!..

– Ну и пусть так, – раздражительно перебил Алехин. – Что же ты от меня хочешь? Чтобы помог тебе в каторгу попасть? – сделал он попытку перейти на шуточный тон.

– Ну, в каторгу-то попасть я, пожалуй, и тебе могу помочь! – огрызнулся Лесной Дед.

– Ну не в каторгу: что же ты хочешь от меня? Зачем ты привязался?

– А затем и привязался, что нужно. Не нужно бы было, так и не привязался бы.

– Так говори скорее, что тебе нужно? А то мне некогда: меня дела ждут!

– Подождут, не убегут. У тебя дела, и у меня дела! Твои большие, а у меня маленькие. А все же мои маленькие дела для меня, может быть, больше, чем твои большие.

– Ну и говори – какие там у тебя дела?.. Чего тя-нешь-то?

– А такие дела, что мне жрать надо и угол хоть какой-нибудь. Надоело уж беспризорной собакой по свету шататься да из-за куска хлеба голову каждый день в петлю совать.

– Что же тебе, денег, что ли? – нахмурился Алехин и вынул из бокового кармана рубль. – На вот.

Лесной Дед взял, подбросил монету на руке и, криво усмехнувшись, проговорил:

– И то капитал... Ну а только на это не прокормишься... К этому нужно и еще что-нибудь...

– Что же еще-то? Не пароход ли отдать тебе или парочку да с баржами?

– Зачем пароход. Пароход ты не отдашь, жаден уж очень: скорее удавишься, а с пароходом не расстанешься. Я тебя хорошо знаю, а потому и в уме не держу пароход или что-нибудь там.

– Да что же тебе надо от меня? – почти крикнул Алехин.

– Не кричи! – ехидно рассмеялся Лесной Дед. – Народ ходит...

Алехин вздрогнул. Опасаясь непомерных требований Лесного Деда, он так забылся, что совершенно не соображал, где они.

– Говори же, что ты от меня хочешь, – понижая голос чуть не до шепота, проговорил он. – Говори! Что душу-то вытягиваешь?

– Да ты не тревожься, Василий Алексеевич, – успокоительно и совершенно мирно проговорил Лесной Дед. – Много не попрошу. Мне, однако, только бы уголок да кусок хлеба... И все тут. Я ведь не привык к разносолам да к содержанкам там. Где уж нам со свиным рылом!

– Что же ты, пенсион, что ли, хочешь получить от меня?

– Зачем пенсион? Я еще работать могу. Определи меня в сторожа или дворники, угол да на харчи рублей сорок – мне и за глаза довольно. Другим ведь все равно платишь.

– В сторожа? Тебя? – невольно вскрикнул Алехин.

– Что испугался? Чем я не сторож? Сколько раз тебя сторожил в тайге, а теперь вдруг не хорош сторож стал. Жизнь свою мне доверял, а мешки с мукой боишься доверить! Небось не подведу... Я не из таких, чтобы товарищу горло перерезывать.

Лесной Дед искоса поглядел на Алехина и ядовито улыбнулся.

– Я не про то... – замялся Алехин. – Я... нынче... насчет паспортов строго.

– Ну, к тебе-то не пойдут у сторожа паспорт проверять. Как это можно, чтобы у почтеннейшего Василия Алексеевича Алехина каторжник сторожем был! Никому этого и в голову не придет. Да у меня насчет паспорта крепко. Вот, если хочешь, полюбопытствуй, бессрочная книжка, мешанин я города Бузулука, Андрей Петрович Пхалов.

– Как Пхалов?

– Так Пхалов! Что же тут такого?

– Да как же...

– Ну да!

– Ты хочешь сказать, где же наш бывший товарищ Андрей Петрович Пхалов, вместе с которым...

– Ну да! Он-то как же?

– Побывшился...

– Пришил, что ли? – покосился на него Алехин.

– Зачем пришил? Я уже сказал, что товарищам горло не режу. Да ты это и сам знаешь...

Во всем виноват, а в этом нет, против товарища ни разу не согрешил. Не такова натура у меня. Своею смертью погиб Андрей Пхалов. Вместе мы в тайге с ним бедовали... Захворал он, а тут ненастье да холода наступили, ну и скончался. Недели три я около него сидел почти без хлеба. А он и в память ни разу не пришел... Ну я и взял его книжку. Чистая она у него. Для меня дорого стоит. Так что насчет паспорта можешь не сомневаться.

– Ну хорошо! Приходи в контору уже. Я подумаю, куда тебя пристроить.

– Когда прикажете, господин хозяин? – принял почтительную позу Лесной Дед.

– Ну, так, часов в пять вечера приходи. А пока прощай.

И они разошлись в разные стороны.

«Вот это хорошо! – думал Лесной Дед. – Теперь на радостях и закусить можно... И как это я раньше о нем не подумал? Сам подвернулся...»

Но совсем не так думал Алехин. Он крупно шагнул по направлению к подъезду своей конторы и досадливо кусал усы:

– И откуда он взялся? Будет теперь сидеть на шее! Да еще в пьяном виде где-нибудь проговорится... Надо как-нибудь от него отвязаться.

И он с хмурым лицом вошел в контору. Черные мысли копошились в его голове. И если бы Лесной Дед мог провидеть эти мысли, все его радостное настроение исчезло бы бесследно. Но он не знал и в этот момент с аппетитом пил чай в дешевой столовой и заедал вареной колбасой.

Глава 6

Волчья совесть

В пять часов вечера, чуть-чуть подвыпив на радостях, Лесной Дед отправился в контору Алехиных.

- Тебе кого, дед? – спросил его конторщик.
- Василья Алексеевича, – скромно ответил Лесной Дед.
- Некогда ему сейчас... Подожди.

Лесной Дед покорно сел в уголке передней и стал ждать.

«Торопиться некуда, – подумал он. – Все равно, тут ли сидеть или в другом месте, а сорок рублей в месяц гони, да угол какой-нибудь, да отопление, освещение... Ничего, жить можно... И очень даже можно. Харбинка нынче дешева. Купил банку за шесть гривен, так ее недели на две хватит, по стаканчику перед обедом. Хорошо! Стаканчик выпил, колбаской закусил... Малороссийской... Эх, хорошо колбасу в Малороссии делают хохлушки...»

И ему припомнилось, как они еще в молодости пробирались с этим самым Алехиным в Турцию. Тогда он был еще не Алехин, а прозывался Тимохин... Вот и сейчас у него двоюродный брат есть – тот и сейчас Тимохиным прозывается... Шли они тогда, вроде как волки от гончих, убегали. Больше все окольными дорогами пробирались... Ну а ничего, особенно не бедствовали. Хохлушки сердобольные выручали. И накормят, и на дорогу сухариков дадут, а местами и наливочки стаканчик поднесут... Хороша наливка, в рот ей каши! Да и хохлушки – э-э-э!

И Лесной Дед как-то особенно улыбнулся и покачал головой. Но тотчас же по лицу его пробежала тень, и даже судорога передернула мускулы лица. Перед ним встало неприятное, мучительное воспоминание.

Это было уже недалеко от турецкой границы, и не в Малороссии, а в Бессарабии. Три дня уже они питались зелеными початками кукурузы. Отощали, истомились, что называется – ветром их шатало. Отчаяние стало заползать им в душу. Положение осложнялось еще тем, что молдаванское население почти совсем не знало русского языка. Приходилось объясняться знаками, и не всегда удачно это выходило. Оборванные и истомленные фигуры беглецов вызывали подозрение и страх. То и гляди, руки к лопаткам скрутят и отправят по начальству. А там!.. И это почти у самой границы... Почти у цели, у пределов недосыгаемости. В это время им и помог, что называется, счастливый случай. Изнемогая от голода, они решили зайти на молдаванский хутор. Решили: что будет, то и будет. Или дадут поесть, или руки к лопаткам скрутят... К одному концу!

И они пошли к хутору по тропинке, по сторонам которой сплошь высилась почти зрелая уже кукуруза.

- Эх, жизнь проклятая! Уж лучше бы в полку оставаться! – громко проговорил Тимохин.
- Ну, не хвали тоже... – начал было его спутник. Но в это время случилось нечто неожиданное.

– Откуда Бог несет? – раздался приятный женский голос.

И из кукурузы вышла молдаванка.

«Молдаванка, а по-русски говорит!» – у обоих одновременно пронеслось в голове. И оба побледнели и затряслись: «Слышала наш разговор... Пропали!»

Но молдаванка, должно быть, ничего не слышала.

– На богомолье, что ли, идете? – продолжала она.

– На богомолье, – нашелся наконец, ответил Тимохин. – Притомились вот, уже четвертый день кукурузой питаемся.

– На Афон идете? – продолжала расспрашивать женщина.

– На Афон, – не сморгнув, соврал Тимохин. – По обещанию... А ты... как это чисто по-русски говоришь?

– Да я русская, – смеясь, ответила молодая женщина.

– Как же ты тут?

– Да так, замуж за молдаванина вышла. – И собеседница беглецов зарделась, как маков цвет.

– Заходите, земляки, ко мне на хутор, отдохните, – потупив глаза, проговорила она. – Мужа нет дома, да, поди, не обидите...

Она, видимо, рада была русским людям, возможности поговорить на родном языке, слышать родную речь.

– Заходите, будьте дорогими гостями.

– Ваши гости, – в пояс поклонились обрадованные беглецы. – Как величать вас?

– Матреной меня зовут... А отца – Андрей! – опять зарделась молодая женщина.

– Покорнейше благодарим, Матрена Андреевна! Не оставьте вашими милостями. Совсем отощали мы...

На хуторе молодая хозяйка совсем захлопоталась – что называется, не знала, где посадить дорогих гостей, чем угостить. Совсем как родных приняла.

Лесной Дед... Тогда он не был еще дедом... И не Андреем Пхаловым прозывался он, а совсем иначе – Ванюхой Понизовым он родился, и на службу пошел, и теперь в Турцию пробирался.

Ванюха Понизовый, потом Лесной Дед, а ныне Андрей Пхалов, готов был молиться на Матрену Андреевну. Она ему казалась даже какой-то прозрачной, а лицо светилось, как у святой... Давно уж никто не был с ним так ласков и приветлив.

«Как родная!» – думал он и восторженно смотрел на нее.

А она каким-то легким ветерком носилась по дому. Накормила, напоила, обласкала, по паре чистого белья дала и спать уложила.

– Святая душа! – вздохнул Лесной Дед. – Не знала, кого принимала.

И перед ним, как живая, встала радушная хозяйка молдаванского хутора.

Вот она подошла к ним и говорит:

– Ложитесь вот здесь, дорогие гости, – и указывает на мягкую постель. – Спите спокойно, никто вас не потревожит. Господь с вами.

Легли. Он, Понизовый, а ныне Лесной Дед, тотчас уснул как убитый... Как в воду его опустили... А проснулся он от толчка в бок. Над ним стоял Тимохин. Вот этот самый, который сидит теперь в своей конторе и Алехиным прозывается.

– Что ты? – удивился путем еще не очнувшийся Понизовый. – Ночь ведь еще...

– А ты дня хочешь дожидаться! – злобно проговорил Тимохин. – Хочешь, чтобы руки тебе к лопаткам прикрутили?! Вставай, живо.

Понизовый встал, кинул на плечи котомку и начал оглядываться, отыскивая глазами хозяйку, чтобы проститься и поблагодарить.

И вот он увидел ее и чуть не упал со страху. Ужас заполз ему в самую душу...

Хозяйка лежала на полу с раскрытым черепом... Пол залит кровью с мозгами...

– Ты! Это ты?! – едва выговорил он.

– Довольно разговаривать-то! Иди, пока цел!

И Тимохин намахнулся на него топором.

Шатаясь, вышел он в двери. Не помнит, как на дороге оказался. А минуты через две к нему присоединился Тимохин.

– Ну, шагай проворнее! – толкнул он его в спину. – Теперь некогда прохлаждаться!

И сам почти бегом пустился по тропинке к границе. А Понизовый оглянулся и обомлел. Над хутором поднимался столб дыма.

– Горит! – безотчетно крикнул он.

– Знамо дело, горит! – злобно проговорил Тимохин. – А по-твоему, ее нужно было так оставить, чтобы завтра за нами погоню снарядили...

К рассвету они были уже за границей, вне опасности...

– Эх, совесть! Волчья совесть! – вздохнул Лесной Дед, очнувшись от своих дум. – За что погубил? И кого! Она к нам со всей душой, а мы!.. И хоть бы корысть большая была, а то!..

– Тебя, старик, Василий Алексеевич зовет, – подошел к нему конторщик. – Иди, а то он собирается уходить... Ты что, за пособием, что ли?

Лесной Дед ничего не ответил.

– Если за пособием, то напрасно, – продолжал конторщик. – Не из таких он.

– Знаю... Не нужно мне его пособия, – угрюмо ответил Лесной Дед и пошел в контору.

– Сюда иди, – проговорил конторщик и указал на дверь в хозяйский кабинет.

Лесной Дед вошел и почтительно остановился у двери.

– Пришел? – стараясь говорить мягко, обратился к нему Алехин. – А я уж думал, что ты не придешь...

– Зачем «не придешь», – не меняя позы, ответил Лесной Дед. – Я уже давно здесь, да мне сказали, что ты занят...

– Ну вот теперь освободился! Какое же тебе место дать?

– Мне все равно, дворником могу и сторожем тоже...

– Заняты места-то: и дворники, и сторожа в полном комплекте... Разве вот вроде надзирающего за дворниками и сторожами?.. Я сам за ними смотрю. Да все равно, и ты тоже, будто смотреть за ними будешь!..

– И то дело, – согласился Лесной Дед. – Мне только угол дай да жалованье плати, а там что хочешь, то и буду делать.

– А какое же тебе жалованье положить?

– Да рублей полсорок в месяц, и довольно с меня.

Алехин поморщился, но согласился, дал Лесному Деду записку к дворнику и отпустил его:

– Иди, он там укажет тебе твоё жильё и всё прочее.

Лесной Дед ушел. А Алехин посмотрел ему вслед и злобно сжал кулаки:

– Погоди ты у меня! Вот какой пенсионер нашёлся! Спокойного житья на чужой счёт захотел! Я тебя успокою, милого друга...

Глава 7

Любительница флирта

Софья Марковна Арносова вышла из спальни довольно поздно. Ей не надо было подниматься так рано, как мужу. Помощь ее в делах требовалась главным образом по вечерам и лишь изредка днем.

– А где же барин? – спросила она прислугу.

– Иван Макарыч ушли, еще девяти не было. К ним мужик приходил... Приказали передать, чтоб к обеду их не ждали. До вечера делами заняты будут.

– Давайте кофе!

Напившись кофе, она осмотрела все комнаты, приказала кое-где стереть лучше пыль, мимоходом ткнула несколько раз о пианино, стоящее главным образом для вида, так как госпожа Арносова никогда не училась этой трудной науке, да и не любила музыки. Потом она вернулась в спальню и начала причесываться. За этим занятием она проводила изрядное количество времени. Она любила нагромождать себе на голову целую гору искусственных локонов. Сегодня их пришлось очищать от массы конфетти – доказательств успеха на вчерашнем маскараде.

Покончив с прической, она вытерла одеколоном лицо, подпудрилась и слегка подтемнила брови и ресницы. Внимательно осмотрела себя в зеркало и, сбросив капот¹, начала одеваться. Время от времени на лице ее появлялась какая-то неопределенная улыбка, соответствовавшая мыслям, бродившим в довольно и даже, пожалуй, прямо интересной головке Софьи Марковны.

А мысли были такие.

Уж довольно давно Софья Марковна обратила внимание на Леонтия Осиповича Балюшевича, видного брюнета с красивыми, симпатичными чертами лица. Встречая его почти везде в общественных местах, она познакомилась с ним и начала флиртовать, и довольно сильно. Настолько сильно, что вчера на маскараде он клялся ей в любви и умолял, чтобы она зашла как-нибудь к нему в номер в лучшей городской гостинице.

Она смеялась, позволяла целовать себе руки и даже открытую шею за театральными кулисами, а на упрашивание ответила неопределенно.

Ни да ни нет... Может быть, когда-нибудь...

«А чего, собственно говоря, стесняться?» – думала Софья Марковна.

Она уже не раз наставляла осторожно рожки своему Ивану Макарычу. Он не молод, занят вечно делами. Какой же тут грех?.. Да он и не из ревнивых... У него главное в жизни – дела да нажива... Не согласиться ли на просьбы Балюшевича?.. Она, без сомнения, знала, чем кончится ее визит: слава Богу, не девочка маленькая.

Так что ж?.. Она нисколько не была влюблена в Балюшевича, но ее тянуло к нему.

Тянуло телом. Его близость, даже мысль о нем вызывали в Арносовой негу, будили инстинкт самки.

– Решено! Поеду к нему сегодня, благо мужа дома нет. Ничего, что днем. Я еще так свежа, что могу не бояться солнечного света, – быстро пришла она к заключению.

Она взглянула на часы. Был третий час.

– Фекла! – крикнула Арносова, – давай шубу и галоши. Обедать дома не буду. Поеду в гости.

Она прошла пешком до извозчика и спокойно поехала к Балюшевичу. Такой визит был ей не впервые и потому не волновал ее...

¹ *Капот* (фр. *capote*) – просторная домашняя одежда.

Извозчик подъехал к гостинице.

– Балюшевич дома? – спросила она швейцара.

– Дома-с. Пожалуйста в номер сорок пять.

– Он один?

– Один-с. Минут десять, как ушел от них какой-то господин.

Софья Марковна осторожно постучала в закрытую дверь, на которой была прибитая визитная карточка: «Леонтий Осипович Балюшевич. Прием всевозможных комиссий и поручений».

– Войдите!

Она быстро юркнула в номер и засмеялась, глядя на растерявшегося хозяина.

– Не ожидали так скоро?.. Муж дома не обедает. Одной скучно. Вот я и решила пообедать с вами. Можно?

– Боже мой! Конечно, конечно... Я так рад, так счастлив, – быстро затараторил Балюшевич, снимая с Арносовой шубу, галоши.

Снимая галоши, он крепко сжал рукой ножку Софьи Марковны.

– Оставьте, синяк будет, – засмеялась она, – у меня страшно нежное и чувствительное тело.

Балюшевич порывисто приложился губами к ажурному чулку. Арносова быстро вскочила со стула.

– Без стремительности! Заказывайте обед. Хочу есть...

Подали закуски. Арносова и Балюшевич уселись за выдвинутый на середину стол, и начался разговор.

Кто не знает этих шаблонных, стереотипных разговоров, когда и собеседник, и собеседница отлично чувствуют всю бесполезность говоримых фраз, обоюдно стремятся к одной определенной цели, но держат, как говорится, фасон.

Полуфраза... Полунамеки... Смех, вернее, усмешки с закрытым ртом, внутренние... Скорее чувствуемые, чем слышимые... Иногда длинные, красивые, звучные, но банальные фразы, начинающиеся довольно громким голосом и кончающиеся чуть не шепотом с ударениями на некоторых особо выделяемых словах.

И тема, конечно, всегда одинаковая.

О любви, о взаимоотношениях мужчины и женщины, легкие сплетни об общих знакомых, о Марии Петровне, об Анне Николаевне и сравнения их с собеседницей, конечно, в пользу последней. И затем подливание вина в бокалы и молчаливые тосты смеющимися глазами, подернутыми маслянистою влагой.

К концу обеда все было понятно обоим, произошло полное взаимное соглашение, и, когда Балюшевич осторожно обнял рукой за талию Софью Марковну, она без сопротивления прижалась к его груди.

– Который час? – спросила Арносова.

– Шесть.

– Пора домой!.. Нет-нет! Пора, – ответила она решительно на молчаливый протест Балюшевича, сжавшего руку.

– Лицо разгорелось, – проговорила Арносова, стоя перед зеркалом, – полезно прокапаться. Проедемся до Зеи, и потом вы меня отвезете домой... Хорошо, милый?..

Балюшевич прильнул губами к губкам своей гостьи, давая этим утвердительный ответ.

Выбрав лучшего извозчика и тесно прижавшись друг к другу, они быстро помчались по Большой улице. Мороз пощипывал их лица, но парочка не обращала на это никакого внимания. Разгоряченные ласками, они не чувствовали холода. Они ехали молча, не обменивались ни одним словом. Они отдыхали.

Тело, мозг, все их существо, насыщенное страстью, уставшее от нее, отдыхало. Они готовы были ехать так долго-долго, ни о чем не думая, ничего не замечая, ничего не желая. И только вопрос извозчика, доехавшего до Зеи, вывел их из этого безразличного состояния:

– Куда теперь прикажете?

– Домой! – ответила, словно проснувшись, Софья Марковна.

– Назад, на Садовую! – добавила она и обернула лицо к своему спутнику, который тоже теперь очнулся.

– Как скоро! – прошептал он. – Когда же еще увидимся? Скоро?.. Да?

– Да!.. Я напишу вам, как только можно будет... А вы не выдадите меня? Ведь у всех вас, мужчин, есть такая скверная привычка хвастаться своими победами над нами, бедными. Впрочем, я чувствую, я верю, что ты не такой... Вы хороший. Вы лучше других... Правда? Я не ошибаюсь?

Арнослова приблизила вплотную свое лицо к лицу Балюшевича и пристально взглянула в его глаза.

Из уст Балюшевича полился целый поток фраз и клятв в любви, в молчании и так далее. Ему столько раз в жизни приходилось говорить эти слова, эти клятвы, что думать особенно не приходилось. Он плавно, то с повышением, то с понижением голоса, как актер, давно наизусть знающий свою роль, говорил и говорил. Он мог бы говорить без конца, если бы Софья Марковна не заметила извозчику:

– Направо, второй подъезд!

Но не успел извозчик остановить разогнавшегося коня, как она быстро и сильно ткнула его рукой в спину и крикнула:

– Скорее вперед! Мимо!

Извозчик стегнул коня, и они промчались мимо указанного раньше подъезда, где остановилась какая-то фигура, которой не рассмотрел в темноте Балюшевич.

– В чем дело? – спросил он.

– Муж! – отрывисто произнесла Арнослова.

– Извозчик, направо, в улицу, – скомандовала она.

– Теперь стой!.. Вылезайте из саней. Я одна подъеду к дому.

– Но позвольте! Как же так? – начал протестовать Балюшевич. – Ведь если муж вас узнал, так все равно. Лучше подъедем вместе. Мало ли что у вас может с ним выйти. Он вас может убить, пожалуй. Да, наконец, одной теперь страшно ехать, поздно.

– Я не боюсь. У меня всегда с собой... – И Арнослова показала револьверную ручку... – Муж, может быть, и не узнал меня. Я объеду квартал. Так лучше! Я так хочу, наконец.

– Как прикажете, – ответил Балюшевич, хотя в душе он был, откровенно говоря, доволен приказанием... Чего рисковать-то?

Он стал доставать деньги.

– Я отдам, потом сосчитаемся, – сказала Софья Марковна. – До свиданья. Ждите завтра письмо... Извозчик, трогай!..

Балюшевич поцеловал протянутую ручку и, сняв шапку, сделал вслед Софьи Марковны поклон...

Сани свернули по Чигиринской...

Глава 8

Волчье совещание

Когда Софья Марковна вернулась к дому, то он уж был освещен огнями. Свет электрических лампочек приветливо вырывался из окон и пропадал в темноте ночи. Арносова слезла с пролетки, рассчиталась с извозчиком и, промелькнув по тротуару, исчезла на огромной террасе. Подойдя к закрытой двери, она нажала кнопку электрического звонка. Через минуту Фекла открыла дверь, и Софья Марковна вошла в полусвещенный коридор. В коридоре встретил ее улыбающийся муж.

– Милочка моя! Где ты пропадала? – заговорил он, придавая своему голосу ласковый тон.

– Не сердись, дорогой, что я немного запоздала! Заезжала к madame Дурманович и засиделась у нее. Говорили о платьях, которые нужно приготовить к именинам... – как-то виновато начала оправдываться жена.

– Хорошо, хорошо. Давай пальто, я повешу, – сказал он, взял пальто и повесил в углу.

Софья Марковна радовалась в душе, что так легко провела мужа, но в то же время удивлялась его ласковому тону и любезной встрече.

«Здесь что-нибудь да не так!» – подумала она.

– Пойдем, милочка, мне нужно переговорить с тобой об одном деле, – проговорил муж, обнимая ее.

«Ага! Начинает закидывать удочку» – пронеслось в голове жены.

Поправив свою огромную прическу, она томным, усталым голосом прошептала:

– Какие там дела, я и без них устала! Я пойду лучше в свою комнату и немного отдохну.

– Я не задержу тебя. Самое большее полчаса ты пробудешь с нами. Да, кстати, в гостиной сидит гость.

– Какой гость? – встрепелась она, и в глазах выразился испуг.

– Не пугайся! Гость самый обыкновенный и хорошо тебе известный.

– Но кто-же, кто?

– Наш Иван Семеныч Лебедев.

– А-а-а! – протянула Софья Марковна разочарованным голосом, – а я то думала... Ха-ха-ха!..

– Да будет тебе хохотать и капризничать, пойдем к нему.

– Идем. Ну а как ваш спирт?

– Пропал!

– Bravo!.. Я так и ожидала!

Гостиная была ярко освещена светом электрических лампочек. Лебедев, развалившись, сидел на диване и тревожно посматривал на дверь. Послышались шаги и тихий разговор.

Дверь открылась, и в комнату вошли Арносовы.

– Вот и избавительница наша пришла, – протягивая руки, проговорил Иван Макарыч гостю.

Софья Марковна, кокетливо улыбаясь, протянула Лебедеву свою выхоленную ручку. Он неуклюже вскочил с дивана и, схватив ее ручку, сильно пожал.

– Ну-с, господа, начинайте свои доклады сейчас же, иначе я усну, потому что очень устала.

– Сейчас, милочка. Присядь вот сюда, – указал ей муж на диван.

– Ну, слушай внимательнее! – начал муж. – Как я говорил тебе, дело со спиртом у нас проиграно. Сами же мы, участники, конечно, выпутались из беды, но зато свои грехи свалили на невинных людей. Конечно, мы не оставим их без награды. Сумеет деньгами заглушить их горе.

- А кто же эти невинные люди? – спросила Арносова.
- Здесь одна вдова. У нее есть двое детей: сын – мальчик и хорошенькая дочь. Сына-то и арестовали со спиртом; теперь он в полиции сидит.
- Ах боже мой! Что же ты делаешь со мной и с собой, Иван Макарыч?.. Нас опять теперь по всему городу разнесут, оплюют, обезобразят!.. – истерично закричала Арносова.
- Софья Марковна! Ты не кричи, а послушай дальше. Лебедев устроил так, что мы остались чистыми.
- Да, сударыня, не извольте беспокоиться. Я все устроил к вашему благополучию, – подтвердил спиртонос.
- Все устроено? – передразнила она. – А мальчишка вдовы? Он все испортит и покажет на вас.
- Вот то-то и есть, что не докажет! – начал снова Арносов. – Он уже и доказал, но так, как мы хотели: не на нас, а на свою мать.
- А так вот что!.. – облегченно вздохнула она. – Ну а что же мать, оправдывается? Она не может донести на вас?
- Нет. Мы пригрозили ей и обещали денег, если она будет молчать про нас, и вину в перевозке спирта возьмет на себя, – отвечал муж.
- И она согласилась?
- Конечно.
- О мой милый и умный политик!.. Как ты хорошо все устроил!.. – радостно воскликнула она и бросилась к мужу на шею.
- Подожди, милочка, это еще не все. Главное впереди. Видишь ли, вдова Рыбкина берет всю вину на себя в том случае, если мы внесем за нее полторы тысячи залог, иначе она должна сидеть в тюрьме, а с этим не соглашается и затем просит пятьсот рублей в награду за труды.
- Пятьсот рублей?! Да она не с ума ли сошла? – негодуя, спросила Арносова.
- С ума или не с ума, а просит такую сумму. Но ведь знаешь, таких денег в настоящее время у нас нет.
- Конечно нет.
- Милочка, я думаю, ты устроишь нам это дело.
- Каким образом!
- Очень просто. У вдовы Рыбкиной есть дочка, очень хорошенькая. Она с весны ищет себе какую-нибудь службу. Не можешь ли ты рекомендовать ее...

<Конец 8-й и начало 9-й главы в оригинале утрачены.>

- О да. Я давно знаю вас и много хорошего слышала про вас. А мамаша ваша дома?
- Нет. Недавно куда-то вышла.
- Вышла?! Ах жаль! Мне нужно переговорить с нею.
- Вы, может быть, мне скажете, если, конечно, не секрет, я передам ей.
- Нет, не секрет. Я принесла вам одно известие, которое обрадует и вас, и вашу маму.
- Вы?! – удивилась вновь Наташа.
- Да, я, – отвечала, улыбаясь, дама.
- Так проходите, пожалуйста, – предложила девушка.
- Я сниму пальто, – проговорила незнакомка и, раздевшись, подошла к Наташе.
- Теперь позвольте представиться – Софья Марковна Арносова.
- Очень приятно, – подала девушка руку, – а теперь прошу вас, пожалуйста. Софья Марковна, делая на лице ласковую улыбку, подошла к девушке и начала рассматривать ее, как рассматривает купец перед продажей свой товар.
- «А она действительно хорошенькая», – мелькнуло в голове Арносовой.

– Вы присаживайтесь, – прервала ее мысли Наташа.

– Не беспокойтесь. Я сяду. – Подойдя к стулу, она молча села и уставила свои глаза на голубоглазую красавицу.

Девушка под ее пронзительным злым взглядом почувствовала себя нехорошо.

– Мама, вероятно, скоро придет, – не зная, как выйти из неловкого молчания, сказала Наташа.

– Мне, собственно, нужно не вашу маму, а вас.

– Меня?! Зачем я понадобилась вам? Я такая маленькая, серенькая.

– Не скромничайте, – прервала ее дама. – Слушайте лучше, что я скажу вам. Я очень много слышала о вашей семье, о вашем затруднительном положении. Обладая доброй, отзывчивой душой, я не могу оставаться в бездействии при виде человеческих страданий. Мне хочется хоть чем-нибудь рассеять эти страдания. Я услышала о вас и пришла к вам. Я хочу помочь вам.

– Благодарю вас за слово сочувствия, – едва могла проговорить девушка и закрыла лицо руками.

Бедная девушка думала, что сочувствие было искреннее. Если бы она взглянула сквозь пальцы на Софью Марковну, то по выражению ее хитрых, смеющихся глаз, по ее самодовольной, наглой улыбке поняла бы, что перед нею сидит женщина, пришедшая с какой-то нехорошей мыслью, а не с желанием облегчить страдания ее семьи.

Когда Наташа закрыла лицо, то Арносова, довольная, подошла и наклонилась к ней.

– Дорогая, дорогая! – начала она сладким голосом, – как я понимаю вас!

А сама в то же время думала: «Рыбка идет на удочку».

Рыбкина не выдержала этой ласки и зарыдала.

– Не плачьте. Успокойтесь. О, я понимаю больше всех, что вы переживаете. Сама я переживала все это, только у меня много было хороших знакомых, которые помогли мне. Я бросила то общество, где раньше жила, и теперь имею все то, что хотела иметь раньше. А я что в сравнении с вами?.. Дурнушка. Вы такая красивая, молодая и живете в воровском обществе.

Девушка перестала рыдать, но, не раскрывая лица, слушала собеседницу.

– Вам бы не жить и страдать надо в этой душной и грязной трущобе, а блистать на пиру широком, среди веселой молодежи, в цветах, в нарядах дорогих.

– Оставьте меня, оставьте, – нервно крикнула Наташа.

– Я не могу оставить вас, дивный ребенок. Я хочу помочь вам. Я многим хорошеньким барышням была благодетельницей: они все теперь довольны своей жизнью и меня отблагодарили деньгами.

– Оставьте. У меня нет денег.

– У вас нет денег. Ха-ха-ха! Это ново слышать от такой хорошенькой женщины. Да вам стоит только подмигнуть каждому мужчине, как у вас сейчас же появятся деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.